

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Наталия Мороз

Термин «информационный нейтралитет» впервые был закреплен в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь и является новым. Учитывая тот факт, что поддержание информационного нейтралитета связано с реализацией внешнего измерения обеспечения информационной безопасности, в статье предпринята попытка установить его содержание в соотношении с другими понятиями, традиционно используемыми в международном праве («нейтралитет», «постоянный нейтралитет»), а также новыми терминами, сложившимися в правовой науке в связи с активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий («кибернейтралитет», «сетевой нейтралитет»). Автором установлено, что понятие «информационный нейтралитет», используемое в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, отличается от традиционного понимания термина «нейтралитет» в современном международном праве. Выявлено, что объем добровольных обязательств, взятых на себя Беларусью в рамках политики информационного нейтралитета, достаточно широк и демонстрирует миролюбивый характер информационной политики Беларуси, что ориентировано на укрепление доверия и поддержание международной информационной безопасности.

Ключевые слова: информационный нейтралитет; кибернейтралитет; нейтралитет; постоянный нейтралитет; сетевой нейтралитет.

«The Concept of Information Neutrality in the Context of Contemporary International Law» (Nataliya Maroz)

Information neutrality is a new term used in the Information Security Concept of the Republic of Belarus. Given the fact it is associated with the implementation of an external dimension of ensuring information security, the article attempts to reveal its content in relation to other concepts traditionally used in international law («neutrality», «permanent neutrality»), as well as to new terms that have been developed in academic publications due to active use of information and telecommunication technologies («cyberneutrality», «network neutrality»). The author concludes that the notion «information neutrality» used in the Information Security Concept of the Republic of Belarus differs from the traditional understanding of the term «neutrality» in contemporary international law. The policy of information neutrality proclaimed by Belarus creates an extensive range of voluntary obligations and serves to build international trust and contribute to international information security.

Keywords: cyberneutrality; information neutrality; network neutrality; neutrality; permanent neutrality.

В настоящее время информационный нейтралитет рассматривается в качестве компонента государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности и одного из принципов, на основе которых в международных отношениях обеспечивается информационный суверенитет Республики Беларусь (п. 31 Концепции информационной безопасности, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, далее — Концепция) [15].

В соответствии с пунктом 31 Концепции информационный нейтралитет предполагает «проведение миролюбивой внешней информационной политики, уважение общепризнанных и общепринятых прав любого государства в данной сфере, исключение инициативы вмешательства в информационную сферу других стран, направленного на дискредитацию или оспаривание их политических, экономических, социальных и духовных стандартов и приоритетов, а также нанесения вре-

Автор:

Мороз Наталия Олеговна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, e-mail: nataliya.maroz@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Maroz Nataliya — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Management of the Faculty of Law, Belarusian State University, e-mail: nataliya.maroz@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

да информационной инфраструктуре каких бы то ни было государств и участия в их информационном противостоянии» [15].

Следует отметить, что термин «информационный нейтралитет» является абсолютно новым и используется в Концепции впервые [16]. Учитывая тот факт, что он характеризует внешнюю государственную политику в информационной сфере, целью данной статьи является определение содержания понятия «информационный нейтралитет» в соотношении с другими терминами, традиционно используемыми в международном праве («нейтралитет», «постоянный нейтралитет»), а также новыми понятиями, сложившимися в правовой науке в связи с активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИКТ) («сетевой нейтралитет», «кибернейтралитет», «нейтралитет в киберсфере»).

В статье вопросы информационного нейтралитета в контексте осуществления информационных войн не рассматриваются, поскольку такой научный анализ в силу комплексного характера самого термина «информационная война» требует проведения отдельного исследования.

Значение термина «информационный нейтралитет» анализировалось в работах белорусских ученых В. Ю. Арчакова, О. С. Макарова, А. Л. Баньковского [1; 2; 12]. Вопросы содержания понятия «нейтралитет» в контексте международного права исследовались как в западной, так и в отечественной международно-правовой доктрине [18; 19; 21; 27; 32; 33]. В то же время в научных публикациях термин «информационный нейтралитет» в контексте иных схожих понятий, используемых в международном праве, ранее не рассматривался.

В международном праве «нейтралитет» — это статус государств, не участвующих в международном вооруженном конфликте [27], который обычно рассматривается в рамках международного гуманитарного права [21]. По мнению Ш. Д. Мерфи, «чтобы государство могло считаться нейтральным, оно должно занять беспристрастную позицию по отношению к воюющим сторонам. Политика, принятая нейтральным государством, должна применяться в равной степени ко всем воюющим сторонам» [24, р. 1089].

В то же время нейтралитет в рамках вооруженного конфликта следует отличать от постоянного нейтралитета [18, с. 13]. Как указывает О. И. Тиунов, «постоянный нейтралитет — это международно-правовое положение государства, которое обязано не участвовать во всяких войнах, кроме случаев самообороны, а в мирное время проводить политику, препятствующую втягиванию его в войну, в частности: не вступать в военные союзы, не разрешать размещения на своей территории иностранных военных баз, не оснащать свою армию оружи-

ем массового уничтожения, а также бороться за мир и мирное сосуществование государств» [18, с. 4].

В качестве оснований приобретения статуса постоянно нейтрального государства выделяют: а) международный договор; б) односторонний акт государства, порождающий для него юридические обязательства такого рода [32].

Постоянный нейтралитет не может применяться в отношении коллективных мер, введенных Советом Безопасности ООН [40, р. 562].

Государства также могут проводить политику нейтралитета в рамках своей внешней политики. Тем не менее, политика нейтралитета не влечет за собой обязательств, вытекающих из статуса постоянно нейтрального государства, и не требует какого-либо признания со стороны международного сообщества. Любое государство, проводящее политику нейтралитета, формирует ее на основе своего национального понимания нейтралитета [25, р. 342—345]. В этой связи реализация такой политики имеет свою специфику в каждом конкретном государстве [3, с. 50].

В то же время политика нейтралитета имеет определенные сущностные характеристики, а также особое значение в контексте международных отношений, на что неоднократно обращали внимание органы ООН. В частности, Генеральной Ассамблеей ООН подчеркивалось, что национальная политика нейтралитета, проводимая государствами, «содействует укреплению международного мира и безопасности в соответствующих регионах и на глобальном уровне и играет важную роль в развитии мирных, дружественных и взаимовыгодных отношений между странами мира» [29], а также отмечалась позитивная роль, «которую могли бы играть нейтральные страны в предоставлении и доставке гуманитарной помощи в сложных чрезвычайных ситуациях и в случае стихийных бедствий» [41]. При этом сама политика нейтралитета включает поощрение использования превентивной дипломатии, в том числе в виде предотвращения конфликтов, посредничества, добрых услуг, миссий по установлению фактов, переговоров, использования специальных посланников, неофициальных консультаций, миростроительства и целенаправленной деятельности в области развития [29; 41].

В итоговом документе Международной конференции высокого уровня на тему «Политика нейтралитета: международное сотрудничество во имя мира, безопасности и развития» 2015 г. также подчеркивалось, что «основополагающие элементы политики нейтралитета соответствуют принципам Движения неприсоединения, которыми являются уважение территориальной целостности и суверенитета, невмешательство во внутренние дела, равен-

ство и мирное сосуществование» [35]. Следует отметить, что Республика Беларусь является членом Движения неприсоединения [4].

Республика Беларусь, хотя и не является постоянно нейтральным государством, проводит политику нейтралитета. Содержание этой политики определяется Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. [14].

Как уже упоминалось, постоянный нейтралитет несовместим с членством в военных союзах. При этом Беларусь является государством — членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Принимая во внимание этот факт, в пункт 2 статьи 18 Конституции Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. было внесено изменение [11; 17].

Стоит отметить, что нейтралитет имеет особое измерение в киберпространстве и информационных отношениях. Во-первых, как указал Международный комитет Красного Креста, «нейтралитет не означает идеологический нейтралитет; он не запрещает нейтральному государству показывать, что оно позитивно или негативно относится к другому государству, и не возлагает на него обязанность ограничивать выражение любых таких мнений его собственными гражданами или средствами массовой информации» [34]. Во-вторых, к кибероперациям во время международного вооруженного конфликта применяется право нейтралитета [40, р. 553]. В то же время, как указывает Н. Ньюман, «в настоящее время трудно установить, существует ли достаточная практика государств для определения обычных норм международного права в сфере нейтралитета, применимых в киберпространстве» [33, р. 800].

Для корректного определения сущности понятия «информационный нейтралитет» в контексте международного права необходимо его отграничить от таких терминов как «сетевой нейтралитет» и «кибернейтралитет».

Сетевой нейтралитет является принципом построения сети. Данное понятие в принципе не имеет отношения к международному гуманитарному праву и межгосударственным отношениям. Как объясняет Т. Ву, принцип основан на идее о том, что «максимально полезная общедоступная информационная сеть стремится одинаково относиться ко всему контенту, сайтам и платформам» [43]. Таким образом, сетевой нейтралитет (или нейтралитет сети) означает «концепцию, согласно которой Интернет является носителем онлайн-контента, который не отличает один веб-сайт от другого» [22, р. 60].

Кибернейтралитет является одним из аспектов нейтралитета, который государства сохраняют во время вооруженного конфликта. В основном данное понятие охватывает

права и обязанности нейтральных государств, а также воюющих сторон в отношении киберопераций, проводимых сторонами в конфликте, и киберинфраструктуры, расположенной на территории нейтрального государства [31, р. 195—196]. Таким образом, кибернейтралитет не порождает никаких обязательств относительно информационной политики государства, которое его придерживается.

Права и обязанности нейтрального государства определяются XIII Гаагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне 1907 г. (далее — XIII Гаагская конвенция) [9], V Гаагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г. (далее — V Гаагская конвенция) [10] и базирующемся на их положениях международным обычным правом. Несмотря на то, что оба международных договора не содержат каких-либо положений, касающихся киберинфраструктуры, киберопераций или связанных с ними аспектов, они все же могут быть применимы к международным правоотношениям, возникающим в связи с использованием ИКТ государствами. Воюющим сторонам воспрещается создавать из нейтральных портов и вод базу морских операций против своих неприятелей, в частности устраивать там станции радиотелеграфа или всякие приспособления, предназначенные служить средством сообщения с воюющими силами на суше или на море (ст. 5 XIII Гаагской конвенции [9]); устраивать на территории нейтральной державы станции беспроволочного телеграфа или всякого рода приспособления, предназначенные служить средством сообщения с силами воюющих как на море, так и на суше (ст. 3 (a) V Гаагской конвенции [10]); пользоваться всяким сооружением такого рода, установленным ими перед войной на территории нейтральной державы в целях исключительно военных и не открытым для надобностей общего пользования (ст. 3 (b) V Гаагской конвенции [10]).

В соответствии со статьей 8 V Гаагской конвенции нейтральная держава не обязана воспрещать или ограничивать пользование в интересах воюющих телеграфными или телефонными кабелями, а равно аппаратами беспроволочного телеграфа, составляющими либо ее собственность, либо собственность компаний или частных лиц.

В то же время все ограничительные или запретительные меры, принятые нейтральной державой, должны быть ею применяемы к воюющим одинаково (ст. 9 V Гаагской конвенции [10]; ст. 9 XIII Гаагской конвенции [9]).

Можно предположить, что «всякие приспособления, предназначенные служить средством сообщения» (ст. 5 XIII Гаагской конвенции [9]), а также «всякое сооружение такого рода» (ст. 3 (b) V Гаагской конвенции [10]) так-

же включают в себя любую киберинфраструктуру или оборудование, подходящие для целей связи.

Применимость определенных правил нейтралитета к кибероперациям в ходе международного вооруженного конфликта широко обсуждается в научных публикациях [30; 33; 39; 42; 44]. В частности, общепризнано, что осуществление воюющими сторонами своих прав с использованием киберсредств на нейтральной территории или направленных против инфраструктуры, расположенной на территории нейтрального государства, запрещается [40, р. 555–556]. В свою очередь «нейтральное государство не может заведомо допускать осуществление воюющими сторонами своих прав в конфликте с использованием киберинфраструктуры, расположенной на его территории или находящейся под его исключительным контролем» [40, р. 558].

Несмотря на то, что правовые последствия, вытекающие из статуса постоянного нейтралитета в мирное время, не были предметом пристального внимания исследователей [23, р. 4–5], определенные аспекты все же нашли отражение в научных публикациях (порог наступления войны в случае осуществления кибератаки; право нейтрального государства обладать наступательными кибервооружениями; содержание поведения нейтрального государства по отношению к частным компаниям и лицам, осуществляющим деятельность на его территории в сфере кибербезопасности и предлагающим технологии или услуги для киберопераций; возможный запрет кибероборудования на территории нейтрального государства, если оно предоставляет трафик вооруженным силам воюющих государств, и др.) [23, р. 9–14].

Информационный нейтралитет в сравнении с иными рассмотренными понятиями, напротив, во многом затрагивает различные аспекты внешней политики государства.

Учитывая тот факт, что в статье 31 Концепции указывается, что «в международных отношениях информационный суверенитет Республики Беларусь обеспечивается в том числе на основе принципа информационного нейтралитета» [15], можно сделать вывод, что информационный нейтралитет рассматривается как основа проведения внешней информационной политики государства.

При этом содержательно такая политика в основном включает в себя негативные обязательства, которые берет на себя Республика Беларусь в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государства, а также ряда иных принципов и норм международного права. Так, если соотнести положения Устава ООН 1945 г. [20], Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [13], Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответ-

ствии с Уставом ООН 1970 г. (далее — Декларация 1970 г.) [6], Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г. (далее — Декларация 1981 г.) [5], других документов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, и Концепции [15] в части регламентации информационного нейтралитета, то можно сделать вывод о том, что:

а) миролюбивая внешняя информационная политика корреспондирует обязательствам воздерживаться от угрозы силой (п. 4 ст. 2 Устава ООН 1945 г. [20], Декларация 1970 г. [6], подп. а п. II ст. 2 Декларации 1981 г. [5]), пропаганды агрессивных войн (ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [13], Декларация 1970 г. [6]), подстрекательства актов гражданской войны или террористических актов в другом государстве (Декларация 1970 г. [6]);

б) уважение общепризнанных и общепринятых прав любого государства в данной (информационной. — Н. М.) сфере, исключение инициативы вмешательства в информационную сферу других стран, направленного на дискредитацию или оспаривание их политических, экономических, социальных и духовных стандартов и приоритетов, охватываются запретом недопустимости посягательств на суверенное и неотъемлемое право государства свободно определять свою собственную политическую, экономическую, культурную и социальную систему в соответствии с волей его народа без внешней интервенции, вмешательства, подрывной деятельности, принуждения или угрозы в какой бы то ни было форме (подп. b п. I ст. 1 Декларации 1981 г. [5]), а также обязанностью воздерживаться от любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды в целях осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств, от любых действий или попыток в какой бы то ни было форме или под каким бы то ни было предлогом дестабилизировать или подорвать стабильность другого государства или любого из его институтов (подп. j п. II ст. 2 Декларации 1981 г. [5]; преамбулы резолюций Генеральной Ассамблеи ООН 73/27 [7] и 75/240 [8]), от оказания содействия, поощрения или поддержки, прямо или косвенно, мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах под каким бы то ни было предлогом или от каких-либо действий, направленных на нарушение единства или подрыв или свержение политического строя других государств (подп. f п. II ст. 2 Декларации 1981 г. [5]), от использования или искажения вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств (подп. l п. II ст. 2 Декларации

1981 г. [5]), не допускать проявления терпимости в отношении террористических групп, саботажников или лиц, ведущих подрывную деятельность против третьих государств (подп. *т* п. II ст. 2 Декларации 1981 г. [5]), и более того, направлены на соблюдение прав государств и народов иметь свободный доступ к информации и полностью развивать без вмешательства свою систему информации и средств массовой информации и использовать свои средства информации в целях содействия своим политическим, социальным, экономическим и культурным интересам и чаяниям на основе, в частности, соответствующих статей Всеобщей декларации прав человека и принципов нового международного порядка в области информации (подп. *с* п. I ст. 1 Декларации 1981 г. [5]) и др.;

в) исключение нанесения вреда информационной инфраструктуре каких бы то ни было государств соответствует обязательствам воздерживаться от применения силы (п. 4 ст. 2 Устава ООН 1945 г. [20], Декларация 1970 г. [6], подп. *а* п. II ст. 2 Декларации 1981 г. [5]), а также отказу от нанесения преднамеренного ущерба критически важной инфраструктуре других государств (п. *г* Доклада Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (далее — ГПЭ) 2015 г. [37]; пп. 42–46 Доклада ГПЭ 2021 г. [36]; п. 31 Доклада Рабочей группы открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2021 г. [26]; п. 1.6 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 73/27 [7]);

г) исключение участия в информационном противостоянии каких бы то ни было государств охватывается обязанностью государств воздерживаться от любой рассматриваемой в контексте конфронтации между великими державами меры, которая привела бы к укреплению существующих военных блоков или к созданию или укреплению новых военных союзов, договоренностей о взаимных обязательствах, развертыванию интервенционистских сил или созданию военных баз и других связанных с ними военных сооружений (подп. *г* п. II ст. 2 Декларации 1981 г. [5]).

Более того, можно отметить, что содержание понятия «информационный нейтралитет», раскрытое в статье 31 Концепции [15], даже несколько шире, чем содержание обязательств, возлагаемых на государства международным правом в данной области в настоящее время. Во-первых, как было показано выше, обязательства в сфере информационного нейтралитета в контексте международного нормативного регулирования охватываются в большей степени нормами рекомендательного характера, принятыми Генеральной Ассамблеей ООН. Во-вторых, формулировки их

отдельных элементов (например, исключение инициативы вмешательства в информационное пространство других государств, направленное на дискредитацию или оспаривание их политических, экономических, социальных и духовных стандартов и приоритетов) включают более широкий перечень деяний, которые государство обязуется не предпринимать, и фактически представляют собой отказ от инициативы проведения недружественной информационной политики в отношении других государств. Полагаем, что такое добровольное обязательство ориентировано на повышение доверия, усиление транспарентности и стабильности в сфере использования ИКТ в международных отношениях и таким образом, способствует обеспечению международной информационной безопасности. Как было указано в Докладе Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2013 г., «применение норм, основанных на положениях международного права, в отношении деятельности государств, связанной с использованием ИКТ, — необходимая предпосылка для снижения риска нарушения международного мира, безопасности и стабильности» [38].

В то же время любые обязательства в рамках информационного нейтралитета Республики Беларусь должны трактоваться комплексно с учетом положения, которое также содержится в статье 31 Концепции и предусматривает, что Республика Беларусь оставляет за собой право отстаивать «собственные национальные интересы в информационной сфере с использованием всех имеющихся сил и средств» [15].

Таким образом, содержание понятия «информационный нейтралитет», закрепленное в Концепции, отличается от традиционного понимания термина «нейтралитет» в современном международном праве. Во-первых, информационный нейтралитет — это политика, которой государство придерживается в мирное время и которая не подразумевает наличия статуса постоянного нейтралитета у такого государства. Во-вторых, спектр обязательств, вытекающих из информационного нейтралитета, в основном следует из таких общепризнанных принципов международного права, как неприменение силы и угрозы силой, а также принципа невмешательства во внутренние дела государств. В-третьих, объем добровольных обязательств, взятых на себя Республикой Беларусь в рамках политики информационного нейтралитета, достаточно широк и демонстрирует миролюбивый характер внешней информационной политики республики, ориентированной на укрепление доверия между государствами в сфере использования ИКТ и поддержание международной информационной безопасности.

Список использованных источников

1. Арчаков, В. Ю. О концептуальных взглядах на информационную безопасность Республики Беларусь в аспекте современного общественного развития / В. Ю. Арчаков, О. С. Макаров, А. Л. Баньковский // *Весті Нац. академії наук Беларусі. Сер. гуманітар. наук.* — 2019. — Т. 64, № 2. — С. 220—226. (<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-220-226>).
2. Арчаков, В. Ю. О теоретико-методологических подходах к обеспечению международной информационной безопасности // *Журн. междунар. права и междунар. отношений.* — 2019. — № 3-4 (90-91). — С. 3—11.
3. Галушко, Д. Нейтралитет государств / Д. Галушко // *Международно-правовые чтения.* Вып. 11. — Воронеж: ВГУ, 2013. — Р. 46—54.
4. Движение неприсоединения [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/cd6cf900a55boe84.html>. — Дата доступа: 10.02.2022.
5. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств: принята резолюцией 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1981 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml. — Дата доступа: 10.05.2022.
6. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. — Дата доступа: 10.05.2022.
7. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: док. ООН A/RES/73/27 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27>. — Дата доступа: 10.05.2022.
8. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: док. ООН A/RES/75/240 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/75/240>. — Дата доступа: 10.05.2022.
9. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне: закл. в г. Гааге 18 окт. 1907 г. [Электронный ресурс] // University of Minnesota. Human Rights Library. — Режим доступа: <http://humanrts.umn.edu/instree/R1907l.html>. — Дата доступа: 22.05.2022.
10. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны: закл. в г. Гааге 18 окт. 1907 г. // University of Minnesota. Human Rights Library. — Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/instree/R1907d.html>. — Дата доступа: 22.05.2022.
11. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. — Дата доступа: 02.05.2022.
12. Макаров, О. С. Актуальные аспекты обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ / О. С. Макаров. — Минск: ИНБ, 2013. — 270 с.
13. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. — Дата доступа: 22.05.2022.
14. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
15. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс] // Там же.
16. Олег Макаров: «Белорусская Концепция информационной безопасности является абсолютно самостоятельной национальной разработкой» [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 12.03.2019. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/oleg-makarov-belorusskaya-kontseptsiya-informatsionnoy-bezopasnosti-yavlyaetsya-absolyutno-samostoya.html>. — Дата доступа: 02.02.2022.
17. О назначении республиканского референдума: Указ Президента Респ. Беларусь от 20 янв. 2022 г. № 14 [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2022/14uk.pdf>. — Дата доступа: 10.02.2022.
18. Тиунов, О. И. Нейтралитет в международном праве / О. И. Тиунов. — Пермь: Перм. Ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т имени А. М. Горького, 1968. — 157 с.
19. Умеренко, Ю. А. Институт нейтралитета в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Ю. А. Умеренко; Всерос. акад. внеш. торговли М-ва экон. развития Российской Федерации, 2011. — 25 с.
20. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. — Дата доступа: 22.05.2022.
21. Bothe, M. Neutrality, Concept and General Rules / M. Bothe [Electronic resource] // *Oxford Public International Law.* — October 2015. — Mode of access: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e349?rskey=spY83q&result=5&pr=MPIL>. — Date of access: 13.02.2022.
22. Cheng, H. K. The Debate on Net Neutrality: a Policy Perspective / H. K. Cheng, S. Bandyopadhyay, H. Guo [Electronic resource] // SSRN. — Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=959944>. — Date of access: 12.02.2022.
23. Dahinden, M. Swiss neutrality in the age of cyber warfare / M. Dahinden. — Geneva, 2021. — 18 p. [Electronic resource] // ICT4Peace Foundation. — Mode of access: <https://ict4peace.org/wp-content/uploads/2021/02/ICT4Peace-2021-Neutrality-und-Cyberspace-eng.pdf>. — Date of access: 08.02.2022.
24. Damrosch, L. F. International law. Cases and materials. 6th ed. / L. F. Damrosch, S. D. Murphy. — St. Paul: West Academic Publishing, 2014. — 1532 p.
25. Devine, K. Neutrality and the development of the European Union's common security and defence policy: Compatible or competing? / K. Devine // *Cooperation and Conflict.* — 2011. — Vol. 46, N 3. — P. 334—369. (<https://doi.org/10.1177/0010836711416958>)
26. Final Substantive Report of the Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security: UN Doc. A/AC.290/2021/CRP.2 [Electronic resource] // ICT4Peace Foundation. — Mode of access: <https://ict4peace.org/wp-content/uploads/2021/03/Final-report-A-AC.290-2021-CRP.2.pdf>. — Date of access: 22.05.2022.

27. Hostettler, P. Neutrality in Land Warfare / P. Hostettler, O. Danai [Electronic resource] // Oxford Public International Law. — November 2015. — Mode of access: <<https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e347?rskey=spY83q&result=4&prd=MPIL>>. — Date of access: 13.02.2022.
28. International Day of Neutrality, 12 December [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <<https://www.un.org/en/observances/neutrality-day>>. — Date of access: 12.02.2022.
29. International Day of Neutrality: UN Doc. A/RES/71/275 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/RES/71/275>>. — Date of access: 12.02.2022.
30. Jensen, E. T. Sovereignty and Neutrality in Cyber Conflict / E. T. Jensen // Fordham International Law Journal. — 2012. — Vol. 35, N 3. — P. 816–841.
31. Kittichaisaree, K. Public International Law of Cyberspace / K. Kittichaisaree. — Cham: Springer, 2017. — 376 p.
32. Neuhold, H. Permanent neutrality and non-alignment: similarities and differences / H. Neuhold // India Quarterly. — 1979. — Vol. 35, N 3. — P. 285–308.
33. Neuman, N. Neutrality and Cyberspace: Bridging the Gap between Theory and Reality / N. Neuman // International Law Studies. — 2021. — Vol. 97. — P. 765–802.
34. Neutral state [Electronic resource] // International Humanitarian Law Database. — Mode of access: <<https://casebook.icrc.org/glossary/neutral-state>>. — Date of access: 09.02.2022.
35. Outcome document of the high-level international conference on the theme “Policy of neutrality: international cooperation for peace, security and development” (Ashgabat outcome document): Annex to the letter dated 6 January 2016 from the Permanent Representative of Turkmenistan to the United Nations addressed to the Secretary-General: UN Doc. A/70/652–S/2016/20 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/70/652>>. — Date of access: 10.02.2022.
36. Report of the Group of Governmental Experts on advancing responsible State behaviour in cyberspace in the context of international security (Advance copy), 2021, May [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <<https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/06/final-report-2019-2021-gge-1-advance-copy.pdf>>. — Date of access: 12.10.2021.
37. Report of the Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security, 22 July 2015 [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/A/70/174>>. — Date of access: 12.10.2021.
38. Report of the Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: UN Doc. A/68/98* [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/68/98>>. — Date of access: 12.02.2022.
39. Roscini, M. Cyber Operations and the Law of Neutrality / M. Roscini // Cyber Operations and the Use of Force in International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — P. 246–279.
40. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd ed. / ed. by M. N. Schmitt. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 598 p.
41. The role and importance of a policy of neutrality in maintaining and strengthening international peace, security and sustainable development: UN Doc. A/RES/75/28 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/RES/75/28>>. — Date of access: 12.02.2022.
42. Turns, D. Cyber war and the law of neutrality / D. Turns // Research Handbook on International Law and Cyberspace / ed. by N. Tsagourias and R. Buchan. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. — P. 380–400.
43. Wu, T. Network Neutrality FAQ / T. Wu [Electronic resource] // T. Wu. — Mode of access: <http://www.timwu.org/network_neutrality.html>. — Date of access: 08.02.2022.
44. Zachary, P. A. Cyber neutrality: a textual analysis of traditional jus in bello neutrality rules through a purpose based lens / P. A. Zachary // Air Force Law Review. — 2014. — Vol. 71. — P. 69–106.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2022 г., доработана в мае 2022 г.

Статья подготовлена в рамках ГПНИ № ГР 20212197